

Глава 93

Хань Цзин переоделся в стерильный больничный костюм и бесшумно вошел в палату.

Морис сидел у изголовья кровати их дочери. Тяжело сгорбившись от усталости, он бережно сжимал в ладонях крошечную ручку девочки, в которую была воткнута игла капельницы.

В палате стояла давящая, гнетущая тишина. Двойные звуконепроницаемые стекла полностью отсекали гул внешнего мира, оставляя лишь ритмичный, бездушный писк медицинских мониторов.

Пип.

Пип...

Хань Цзин опустил жалюзи. Лишь тогда Морис обернулся. В его глубоких синих глазах дрожало хрупкое, болезненное беспокойство.

«Кэтрин?»

«Моя девочка...» — голос Мориса едва заметно сорвался.

Он с невыносимой тоской смотрел на бледное личико дочери. Малышка не слышала его — она лежала в забытьи, не приходя в сознание.

Ей, должно быть, очень тяжело... Сжимая горячую ладошку, Морис не мог поверить, что его дочь уже больше месяца мучается от непрекращающегося жара.

Температура Кэтрин держалась на отметке выше сорока одного градуса. Обычный ребенок давно бы погиб, но благодаря безупречному геному девочка все еще отчаянно боролась за жизнь.

Как она справлялась весь этот месяц без него?

Морис осторожно коснулся лба дочери. Его пальцы мелко дрожали.

Кожа Кэтрин буквально горела, словно кипяток.

При этом ее лицо вовсе не покраснелось от жара — наоборот, оно казалось пугающе бледным, почти бескровным. Даже во сне ее брови были мучительно сдвинуты к переносице. Взгляд этих умных янтарных глаз, которые всегда с таким обожанием смотрели на него, просясь на ручки,

теперь скрывали плотно сомкнутые веки.

Если бы он только знал, что так случится, он никогда не был бы с ней так строг. Он бы обнимал ее каждую секунду, слушал ее смех, баловал и любил бы сильнее, чем Хань Цзин, во сто крат.

Почувствовав родное тепло, Морис ощутил, как Хань Цзин крепко обнял его со спины.

— Я побуду с ней, — нежно шепнул Хань Цзин, целуя его в макушку. Стоило ему самому взглянуть на бледное лицо дочери, как в глазах предательски закололо от слез. Ему приходилось сдерживаться из последних сил, чтобы не разрыдаться и не лишить Мориса той хрупкой опоры, в которой тот сейчас так нуждался. — Если тебе тяжело, сходи домой, отдохни немного.

Перед тем как войти, Хань Цзин до мельчайших подробностей изучил медицинскую карту дочери. Болезнь вспыхнула внезапно, ровно месяц назад, когда они только собирались покинуть Спутник Харон. Тридцать четыре дня непрерывного, иссушающего жара!

Под воздействием жара безупречный геном девочки отчаянно пытался сохранить баланс. Клетки гибли одна за другой, но на их месте с поразительной, пугающей скоростью зарождались новые, столь же идеальные. Организм словно пытался подавить неведомый смертоносный вирус.

Однако врачи не понимали причин происходящего. Лучшие светила медицины лишь разводили руками, бессильно пичкая ребенка бесполезными антибиотиками и капельницами с физраствором. Никакого эффекта это не давало.

Из-за стремительного деления клеток кожа Кэтрин стала гладкой и нежной, как у младенца, но оставалась пугающе бледной. Длинные некогда серые волосы лишились прежнего блеска и теперь отливали тусклым, серебристо-серым оттенком.

Это был дурной знак. Жизнь по капле покидала ее крошечное тело.

Хань Цзин смотрел на спящую дочь. Сейчас она казалась самым хрупким цветком на свете — тронь пальцем, и она рассыплется пеплом.

С трудом сдерживая подступающие слезы, Хань Цзин прижал к себе Мориса, уговаривая его пойти отдохнуть.

Морис лишь упрямо качнул головой, крепче сжав ручку дочери.

— Я не могу уйти. Это моя вина... Не нужно было настаивать на экспедиции к Спутнику Харон. Послушался бы я тебя тогда, мы остались бы с Кэтрин, и с ней все было бы хорошо.

— Перед отъездом она говорила, что плохо себя чувствует, а я решил, что она просто капризничает. Каким же глупцом я был! Кэтрин ведь никогда не капризничала, всегда была послушной девочкой. Почему я ей не поверил?.. — Морис в отчаянии уткнулся лицом в ладони, содрогаясь от безмолвных рыданий.

Хань Цзин крепче обнял мужа, прижимаясь губами к его виску.

— Ты не виноват, Морис. Это несчастный случай. Не взваливай всё на себя. Помни, у тебя есть я.

— Тебе больно — обопрись на меня. Я не перенесу, если с тобой что-то случится. И нашу дочь я тоже не отдам смерти.

Хань Цзин почувствовал, как Морис на миг напрягся, а затем медленно расслабился, доверчиво прижимаясь к его груди. Хань Цзин обнял его еще сильнее, словно пытался защитить от всего мира.

Прильнув к мужу, Морис внезапно осознал, как же сильно он устал. Непосильный груз государственной власти, сводящая с ума тревога за Кэтрин, необходимость беречь новую жизнь в своем лоне... Силы были на исходе. Какое счастье, что Хань Цзин всегда оказывался рядом в минуты величайшей слабости, без лишних слов подставляя плечо и позволяя сделать передышку.

— Тебе нельзя так себя истязать. Отдохни хоть немного, — тихо, с нежной заботой прошептал ему на ухо Хань Цзин. — Представь, Кэтрин очнется, увидит тебя таким измученным и расстроится. Разве ты этого хочешь?

Хань Цзин продолжал мягко настаивать. Он всерьез опасался за здоровье супруга: со времени их отбытия на «Авроре» Морис не смыкал глаз уже больше полусуток.

Морис прикрыл глаза. Некоторое время он молча лежал в объятиях Хань Цзина, а затем снова перевел взгляд на дочь, ласково погладив ее по бледной щеке.

— Раньше я слишком много времени отдавал службе и обделял ее вниманием. Теперь я обязан все исправить, — негромко, но твердо произнес он. — Я уже переговорил с отцом. В ближайшие день-два я полностью передам дела генералу Гудериану.

— Я хочу просто быть рядом с Кэтрин и своими глазами видеть, как она поправляется.

— А как же твое здоровье? — Хань Цзин вспомнил предупреждение Марко, и его сердце сжалось от тревоги. — Позволь мне дежурить сегодня ночью. А тебе нужно вернуться домой и как следует выспаться.

— Нет, я никуда не уйду, — упрямо отрезал Морис. — Я буду здесь. Иначе я просто сойду с ума от беспокойства. Я не могу потерять ее, Хань Цзин.

— Я выносил ее с таким трудом... Я верил, что смогу защитить ее от любых невзгод, что она вырастет счастливой. Кто же знал... — он прервался, не в силах сдерживать нахлынувшие чувства.

Хань Цзин крепко прижал его к себе и поцеловал в лоб.

— Мы ее не потеряем, Морис. Верь мне.

— Обещаю тебе: мы все — наша семья и этот малыш — еще много лет будем вместе встречать Рождество. Всё будет хорошо, — Хань Цзин заглянул мужу в глаза, и в его взгляде читалась непоколебимая уверенность.

Морис обладал характером, который невозможно было сломить или переубедить.

Ради больной дочери высокопоставленный генерал оставил все государственные дела. Он не стал возвращаться в свое поместье, а просто снял соседнюю палату в больнице, фактически перевезя свой дом из Эвиду прямо в госпиталь.

Учитывая его особое положение — Морис находился на шестом месяце беременности, — а также жесткое давление со стороны генерала Гранта Нормана, правительство без лишних проволочек утвердило рапорт об отпуске.

А вот прошение Хань Цзина отклонили без объяснения причин. Проект по созданию боевых мехов на основе технологий Камеры только что прошел испытания на Хароне, и теперь военное ведомство спешно готовило второй этап тестирования в земных условиях. Хань Цзин оставался ключевой фигурой этой секретной программы, и командование проявило непреклонность.

Боги оставались глухи к мольбам Мориса.

Спустя всего два дня после их возвращения состояние Кэтрин ухудшилось. Новости были неутешительными, и Морис окончательно замкнулся в себе, напоминая покрытую вечным льдом вершину.

— Разве я не передал все дела генералу Гудериану? Теперь это его забота.

— Это личная просьба господина президента, сэр. Ему необходимо ваше экспертное мнение.

Ледяной голос Мориса и робкие, испуганные оправдания адъютанта разносились по больничному коридору.

Вскоре в коридоре медицинского корпуса М больницы Святого Винсента появился Симо. На руках он держал полугодовалую Хелен. Малышка была частой гостьей в этом отделении: с самого рождения ее привозили сюда на плановое обследование каждые четыре недели.

Дитя союза человека и Камеры, девочка унаследовала редкую красоту отца: у нее были черные как смоль волосы и глубокие фиалковые глаза. В ее чертах уже сейчас угадывалось будущее величие, способное покорить любого.

Взгляд Хелен был чистым и невинным, как у самого обычного ребенка. И если бы не результаты тестов, никто бы не догадался, что над этой чистой душой тяготеет проклятие Руны.

— Подумать только... нелепая гипотеза двухвековой давности оказалась правдой? — негромко произнес Морис, листая отчет перед дверью палаты. — Луна, на которую человечество взирало тысячи лет... пуста внутри?

— Это точные данные, генерал-лейтенант Чжоу Юй?

— Никаких сомнений? — закаленный в бесчисленных битвах, Морис сохранял абсолютное хладнокровие. Он поднял взгляд на подчиненного.

Чжоу Юй вытянулся по струнке. За его напускной строгостью крылось едва уловимое волнение.

— Генерал Гудериан утверждает, что все подтверждено. Ошибки быть не может.

Морис на мгновение задумался. Прекрасно зная дотошный стиль работы своего преемника, он вернул папку офицеру.

— Если Гудериан уверен... я склонен ему верить.

Чжоу Юй на секунду замешкался, пораженный лаконичностью ответа.

— Генерал! Президент хотел бы знать, есть ли у вас возражения или опасения касательно дальнейшего освоения Луны?

— Подобные вопросы должны обсуждаться на заседании Сената. Президент может выслушать мнение генерала Гранта Нормана, — тактично уклонился от прямого ответа Морис. Раз уж он оставил службу, то не желал вмешиваться в дела действующего руководства.

Он собирался просмотреть еще один документ — отчет об обнаружении пригодных для жизни планет в дальнем космосе, — но его внимание отвлек подошедший Симо с ребенком на руках.

— Симо, — невольно нахмурился Морис, глядя на темноволосую Хелен. Лишь теперь, столкнувшись с болезнью собственной дочери, он до конца осознал ту глухую, невыносимую боль, которую испытывал Симо после краха проекта «Элохим».

— Привез Хелен на осмотр и решил навестить Кэтрин, — Симо передал подбежавшему Лэнсу дочь и подошел ближе к Морису. На его безупречном лице скользнула бледная улыбка, но в глубине фиалковых глаз затаилась вековая печаль. Он по-прежнему оставался неописуемо, божественно красив.

— Генерал-лейтенант Чжоу Юй? — его голос прозвучал подобно журчанию горного ручья. На нежных губах заиграла мягкая улыбка, а взгляд, ясный, как осеннее небо, казалось, проникал в самую душу. Прямо на глазах у Мориса Симо применил ментальное очарование Камеры.

Чжоу Юй мгновенно лишился дара речи. Завороженный неземной красотой, в которой угадывался лик древнего божества, офицер потерял волю к сопротивлению. Его сознание затуманилось, мысли спутались.

— Чжоу Юй! — ледяной окрик Мориса подействовал как ушат ледяной воды. Офицер вздрогнул, мгновенно приходя в себя, и на его лбу выступил холодный пот.

Морис велел адъютанту немедленно удалиться.

Симо лишь тихо усмехнулся и заговорил на редком, шипящем наречии Камеры. Этот язык, кроме Мориса, никто на Земле не понимал.

Лицо Мориса слегка изменилось, но он не стал упрекать Симо за его выходку, лишь взглядом проводив уходящего Чжоу Юя.

— Теперь мы наедине, — негромко произнес Морис по-камерийски. — Ты ведь читал историю болезни Кэтрин?

— Если мне нужны сведения, никто из людей не устоит перед чарами Камеры, — равнодушно отозвался Симо. За четыре года жизни среди землян он привязался лишь к Лэнсу, оставаясь холодным к остальному человечеству. — Кэтрин выглядит хуже, чем во время моего прошлого визита... Тогда ее волосы были еще светло-серыми.

Симо сквозь стекло посмотрел на спящую девочку, и в его взгляде отразилась глубокая скорбь — он явно проецировал эту трагедию на собственную дочь.

— Даже здоровый взрослый человек не выдержал бы тридцать четыре дня такого жара. Сорок

один градус... Высокая температура должна была давно разрушить ее тело. Физическая оболочка мертва. Кэтрин держится исключительно на колоссальной ментальной силе. Чтобы сохранить жизнь в теле, ее клетки делятся с бешеной скоростью, заменяя отмирающие ткани. Но даже у самого мощного разума есть предел. Когда ментальный резерв иссякнет, наступит настоящая смерть.

Эти тихие слова прозвучали для Мориса подобно раскату грома. Симо говорил о болезни девочки с точки зрения законов духовной энергии — той сферы, перед которой человеческая наука до сих пор стояла в слепом недоумении. А ведь именно ментальная сфера являлась основой и главной тайной угасшей цивилизации Камеры.

— Если процесс не остановить, земная медицина ее не спасет, — Симо повернулся к Морису, и его слова прозвучали как приговор. — Я перерыл всю свою генетическую память в поисках решения. Я испробовал все доступные мне методы, но они бессильны. Но у Кэтрин есть шанс! Если мы откроем Звёздные врата и свяжемся с Элохим, она выживет! Элохим — величайшая цивилизация, стоящая у самого престола Творца. Они смогли избавить от проклятия Руны меня, а значит, сумеют спасти и Кэтрин! И они снимут проклятие с моей Хелен.

Эти ледяные слова обнажили самую сокровенную тайну Симо.

Симо осекся под суровым взглядом собеседника, а затем горько усмехнулся:

— Да, я никогда не откажусь от своего ребенка! И не поверю, что ты готов обречь на смерть собственную дочь.

— Я не сдамся! Если бы это было возможно, я бы не задумываясь отдал жизнь за здоровье Кэтрин. Но запуск врат к Элохим провалился. И не по нашей вине — они сами заблокировали сигнал.

— Знаю. Но выход есть... — Симо придвинулся к самому уху Мориса, понизив голос до едва различимого шепота на родном наречии: — Земные координаты не входят в безопасный сектор Элохим, поэтому они заблокировали наш запрос. Но если мы...

— Никаких «если»! — резко перебил его Морис. — Я никогда не соглашусь на активацию Звёздных врат ради возвращения на планету Камеры!

— Но координаты Камеры лежат в границах их безопасной зоны... — не отступал Симо, но Морис пресек его попытку ледяным жестом.

— Довольно. Я не дам согласия. Даже если правительство издаст официальный приказ, мой ответ останется прежним.

Предложение Симо вернуться в мир Идо, находящийся под властью Руны, заставило Мориса

содрогнуться от гнева. Это переходило все границы дозволенного.

Симо тоже потерял самообладание. Перейдя на резкий, свистящий язык Камеры, он процедил:

— У меня нет выбора, меня прижали к стене! Но твое положение еще плачевнее! Моя Хелен просто проживет жизнь глупенькой девочкой. Но твоя Кэтрин угасает на глазах, и ни люди, ни силы Камеры не способны ей помочь! И ты будешь просто смотреть, как она медленно умирает?! Зачем отвергать мое предложение, даже не подумав?! Риск велик, согласен! Но за пару минут, да даже за тридцать секунд, мы можем получить шанс на спасение наших детей!

— Тридцати секунд хватит, чтобы чужие боевые корабли засекли наши координаты, навели орудия и уничтожили нас! Ты забыл, через какой ад нам пришлось пройти?! — Морис осекся, тяжело переводя дыхание. Вспышка ярости отозвалась резким толчком внизу живота — дитя внутри него зашевелилось, выражая протест. Превозмогая тупую боль в пояснице, он глухо добавил: — Я не стану рисковать безопасностью всего человечества.

— Значит, ты готов пожертвовать Кэтрин?

Морис сжал зубы, борясь с подступившей к горлу болью.

— Во время миссии SG-1 ни Хань Цзин, ни Лэнс, ни Роджер не понимали ни слова из наречий пришельцев. На Земле никто не знал языка Камеры. Но ты... ты без труда говорил и с нордиками, и с Камерой, и даже с высшей расой Паэтри. Тебе не кажется это странным? — внезапно сменил тему Симо, и в его голосе прозвучало искреннее недоумение. — Насколько мне известно, даже божественные посланники Руны не наделены силой, способной разрывать пространство, активировать Звёздные врата через тысячи галактик и бежать на самый край вселенной — в эту некогда Богом забытую Солнечную систему. Что на самом деле произошло с тобой в руинах затонувшей Атлантиды? Тот случай изменил твою природу? Сделал тебя тем самым существом с «абсолютным совершенством»? Если ты по-прежнему отвергаешь мой план, то, возможно, ты сам — последняя надежда для своей дочери. Ведь Кэтрин совсем не похожа на человека. Ее янтарные глаза, серебристые волосы, феноменальный интеллект... В глубине души ты понимаешь это лучше всех.

Заметив, что Морис упорно молчит, Симо прервал свой монолог. Он пригляделся к лицу собеседника:

— Тебе нехорошо? Прости, мне не следовало говорить столь резко...

Симо отступил, укоряя себя за несдержанность. Заметив, как побледнел Морис, он поспешил позвать дежурного врача.

Новый ребенок оказался сильным и жизнелюбимым — точь-в-точь как маленькая Кэтрин когда-то.

Беременность протекала благополучно, без осложнений, и это было единственным утешением для Мориса в эти черные дни. Он больше не позволял себе прежнего безрассудства и беспрекословно следовал советам врачей, стараясь проводить у постели дочери каждую свободную минуту.

В глубине души он не переставал винить себя в болезни Кэтрин. Его изводила мысль, что нынешние страдания дочери — следствие его собственного легкомыслия в прошлом, когда он горстями глотал запрещенные препараты. Это раскаяние терзало его день и ночь, а в ушах набатом звучал упрек Симо: «Значит, ты готов пожертвовать Кэтрин?»

Каждый раз при этой мысли его сердце сжималось от невыносимой боли. Долг перед человечеством и любовь к дочери вели нескончаемую, жестокую войну в его душе, оставляя лишь пепелище.

Тот случай в Атлантиде...

Морис ничего не помнил. Хань Цзин тоже. Никто из выживших в той катастрофе не сохранил воспоминаний — врачи называли это избирательной амнезией. В памяти уцелела лишь Иллюзия Атлантиды — невероятно детальный, прекрасный мир, в котором они словно прожили целую вечность.

Морис потер ноющие виски, но так и не смог воскресить в памяти ни одной крупницы правды.

За окном нещадно палило июльское солнце, раскаляя воздух до звенящего марева.

Морис тяжело вздохнул и прижал ладонь к затекшей пояснице. Срок беременности перевалил за двадцать четыре недели. Из-за переднего предлежания плода живот за последние полмесяца округлился еще сильнее, заметно выдаваясь вперед.

Долго сидеть на одном месте становилось настоящим мучением, но Кэтрин по-прежнему не приходила в себя.

Жар не спадал...

К счастью, худшие опасения Симо пока не оправдались — по крайней мере, состояние девочки стабилизировалось.

Вновь вспомнив их тяжелый разговор, Морис устало прикрыл глаза, измученный внутренними противоречиями.

Военная база CNA-12

За тысячи километров от госпиталя Святого Винсента, в двухстах километрах от побережья, раскинулась строго охраняемая военная база CNA-12.

В синем небе над базой кружили два легких прототипа боевых мехов. Они совершали немыслимые виражи, уходили в крутое пики и выполняли сложнейшие фигуры высшего пилотажа. Шел второй этап гравитационных испытаний, за развитием которого пристально следило все высшее руководство Федерации.

Дюзы двигателей изрыгали фиолетово-синее пламя, прорезавшее облака яркими, слепящими полосами.

Стоявшие на летно-испытательном поле офицеры и инженеры в серо-голубой форме завороченно следили за полетом. На лицах людей читались восторг и законная гордость за свое детище.

Хань Цзин стоял в первых рядах. Его глаза блестели от волнения, когда он вместе со всеми аплодировал пилотам. Рядом с ним находились Роджер, Лэнс и Симо. За исключением отсутствующего Мориса, здесь собрались все выжившие участники легендарной миссии SG-I. Сегодня они воочию наблюдали триумф совместных технологий человечества и Камеры.

Земные машины поднимались всё выше и выше...

А далеко за пределами атмосферы, в ледяной космической бездне на границе Нептуна и Плутона, царил безмолвие.

Внезапно, словно от брошенного в воду камня, покой вечной тьмы задрожал. Пространство в одной из точек исказилось, смялось под воздействием мощнейшей гравитационной аномалии, будто невидимая исполинская длань сжала саму реальность. Миг — и в черной пустоте вспыхнула ослепительно-синяя искра!

Из ниоткуда возник колоссальный космический корабль, совершивший мгновенный межзвездный переход. Этот исполин превосходил размерами «Аврору» в несколько раз. Окутанный призрачным неоновым свечением, он замер на месте, проигнорировав законы инерции.

Следом за ним из разорванной метрики пространства вынырнул второй точно такой же боевой крейсер! Он занял позицию чуть выше первого, выстраивая ровную, математически выверенную дугу.

Один корабельный корпус!

Еще один!

И еще!

Один за другим!

С ужасающей скоростью из искривленного пространства появлялись новые корабли, выстраиваясь в безупречном порядке. В конце концов чужаки образовали гигантское идеальное кольцо из сотен стальных корпусов.

Если бы Хань Цзин мог увидеть это зрелище, его сердце сковал бы ледяной ужас.

Ларга!

Когда-то этот народ пользовался особым покровительством Руны, но пал в пучину порока и был стерт с лица вселенной самим божеством в ходе Священной войны. Об их истребительных кампаниях Хань Цзин читал в хрониках нордиков.

Раса Ларга считалась давно погибшей. Но сейчас их грозные корабли, окутанные зловещим синим сиянием, слаженно маневрировали в пустоте, ожидая условленного часа. Они готовились применить технологию, доступную лишь высшим расам — выстроить колоссальные Звёздные врата из собственных корпусов, чтобы пробить пространственный барьер и зажечь Радужные врата межгалактического перехода.

<http://bllate.org/book/19677/2006494>